

Сергей Панченко

Я СТИРАЮ
СВОЮ
ТЕНЬ 2

ИДДК

Сергей Анатольевич Панченко
Я стираю свою тень. Книга 2
Серия «Я стираю свою тень», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68610490

Аннотация

Судьба оказалась благосклонной к Гордею, он не погиб глупой смертью. Бесследно исчезнувшая Айрис, уже казавшаяся ему наваждением, вернулась и предложила встречаться на ее территории. Так Гордей оказался на космической станции, существующей под протекторатом Высших, древних разумных рас колонизирующих космос. Жизнь на станции, не в пример Земле, оказалась безопасной, спланированной, но скучной. Айрис такое счастье долго терпеть не могла...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	43
Глава 4	63
Глава 5	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Сергей Панченко

Я стираю свою тень. Книга 2

*Все персонажи, предметы и названия являются
вымышленными, любые совпадения с реально
живущими или жившими людьми случайны.*

© Панченко Сергей

© ИДДК

Глава 1

Два дня я пребывал в каком-то коматозном состоянии. Полная отрешённость от реальности, напоминающая первые дни после того, как очнулся в больнице. Обстановка тоже здорово напоминала казённую, хотя и очень экзотическую. Меня навещали какие-то люди, явно неземного происхождения. Я так решил не только из-за их непонятного языка, но и безукоризненной внешности, словно все они прошли искусственную трансформацию тела. Из-за этого все казались мне на одно лицо, кроме Айрис. К слову, она не баловала меня своим вниманием, будто испытывала какую-то неловкость. Я решил, что она испытывает угрызения совести, бросив меня умирать, и никак не решится на серьёзный разговор.

А я не держал на неё зла. Во-первых, я был уверен, что её вины в этом нет. Не мог я представить себе, что она смогла бы хладнокровно бросить меня или же наоборот, испугаться до такой степени, чтобы сбежать, не справившись со своими эмоциями. Нервы у Айрис, как я успел неоднократно убедиться, были крепче каната. В первый день она принесла мне какую-то коробочку, поставила передо мной и кивнула в её сторону с хитрой улыбкой.

– Это то, о чём я тебе рассказывала много раз.

– Рука того парня? – припомнил я ей каннибальский опыт.

– Если бы. – Она громко сглотнула слюну и рассмеялась.

Я открыл коробочку и вынул из неё пластиковое блюдо с пятислойным разноцветным желе. Мне оно напомнило сложное праздничное заливное, которое готовила на праздники моя мать. Верхний слой – желе из вишни, средний – белое молочное желе, и нижний жёлтый слой из апельсинов. Мне нравилось, даже очень. Здесь цветов было больше. Белого не было вообще, вместо него в центре находилась чёрная прослойка, по виду совсем непищевого цвета. Кроме жёлтого и красного имелся ещё фиолетовый и зелёный цвет.

– Красный – энергия, жёлтый – витамины стройности, зелёный – здоровье, фиолетовый – для работы мозга, – пояснила мне Айрис, брезгливо сморщив нос.

– А чёрный? – Я заметил, что она пропустила этот цвет.

– А чёрный для того, чтобы эта гадость не вызывала у тебя запор. Пробуй. – Она развернула коробку и показала, как из неё выдавить вилку и нож. – Материал коробки съедобный, но вкус на любителя.

– Спасибо. Я не голоден, но попробую из любопытства.

Прежде чем положить отрезанный кусочек желе в рот, я понюхал его, совсем как Айрис в первые дни на Земле. Пахло странно, чем-то напоминало комбикорм с витаминами для домашней скотины. Возможно, так оно и было. Я положил вибрирующий кусочек желе в рот и придавил языком к нёбу. Раздавившиеся слои желе оставили на языке вкусовые ощущения. К моему удивлению, поносимая Айрис еда ока-

залась намного вкуснее, чем можно было ожидать.

– Нормуль. Зря ты так о ней отзывалась.

– Ты серьёзно? – Айрис передёрнуло, будто я хорошо отозвался о вкусе экскрементов. – Я знала, что ты извращенец, но не настолько же. Хотя в первый раз она может быть и ничего, но когда двадцать с лишним лет одно и то же...

– Согласен. Кстати, а где наша машина?

– Наша машина, – повторила Айрис, закатив глаза от удовольствия. – Как здорово, что ты её так назвал.

– Что поделать? На пассажирском сиденье до сих пор остались вмятины от твоей попы.

Айрис шмыгнула носом и прикрыла глаза ладонями.

– Даже не обидно, – произнесла она не своим голосом. – А почему спросил?

– В бардачке лежала жвачка и пакет с крекерами. Бросил, чтобы на ходу хрустеть, но они мне быстро надоели.

– Ты серьёзно? – Глаза Айрис сразу просохли и загорелись знакомым светом, когда ей приходила возбуждающая воображение мысль.

– Просто я думал, что ты сразу всё проверишь.

– Какая я тупая стала. Мне срочно надо на Землю. – Она поднялась, чтобы уйти.

– Айрис, – остановил её я. – А мы... Между нами ещё есть отношения?

– Минус сто баллов за касание и минус пятьсот за половой акт. А у меня осталось всего четыреста семьдесят. – Айрис

посмотрела на меня взглядом, в котором хотела увидеть моё понимание.

– А в кредит не дают? А может, у меня здесь есть какая-нибудь сумма?

– У тебя пока ничего нет, кроме этой гадости, – Айрис кивнула на желе. – Я скучаю по нам, которые были там. Здесь такого не будет, не позволят. Тут всё регламентируется и все на виду. И мы... А ты сам что думаешь?

– Что я думаю? У меня в голове такая круговерть, что пока ни одна внятная мысль в ней не появилась. Я подавлен, потерял и до сих пор не уверен, что живой. Я подумал, что ты могла бы стать моим проводником в вашем мире, как я был для тебя в моём. Для начала.

Айрис глубоко вздохнула.

– Тебя сегодня обучат нашему языку, а завтра вмонтируют в тело нейроинтерфейс, чтобы ты смог покинуть эту комнату. Заранее предвкушаю твоё удивление. Ладно, пойду заберу твои гостинцы. Минус десять баллов за распространение контрабанды.

– Если бы меня забрали на три часа раньше, ещё и пицца осталась бы.

– Раньше было нельзя.

Айрис мысленным приказом открыла дверь и вышла из комнаты. Дверь бесшумно вернулась на место. Её ответ озадачил меня. Она хотела сказать, что моя вероятная смерть стала причиной спасения?

Спать лёг, облачившись в серебристый костюм, от которого к голове во время сна приросли отростки. Проснулся с ощущением умения разговаривать на чужом языке. В этот день Айрис приходила дважды, но каждый раз не в одиночестве. Какие-то совершенного вида люди общались со мной на своём языке. Поначалу мой речевой аппарат коробило от непривычных комбинаций положения языка, но постепенно произношение улучшалось. Процесс совершенствования произношения напоминал накачивание надувного матраса, долгий и нудный. Я устал к концу дня, но был доволен собой. Отношение Айрис меня немного расстраивало. Она не шла на контакт, которого я ждал. Была учтивой, заботливой, но держала дистанцию, которую я очень чётко чувствовал.

Хорошо, что впечатления новизны нивелировали мои душевные муки. Если вдуматься, я же был на космической станции, о которой коренные жители Земли ни сном ни духом. Я прикоснулся к чему-то неизведанному – далёкому, космическому. Выучил язык, на котором разговаривало большее количество людей, чем все вместе взятые проживающие на родной планете. А сколько меня ещё ждало открытий? Незнание окрыляло и возбуждало интерес. Хотелось скорее переступить порог комнаты, в которой я был зачёрчен.

Когда ко мне зашли двое мужчин старше тех, что появлялись раньше, я сразу понял, что их цель не просто поболтать. С ними было кресло на магнитной подушке, похожее на

стоматологическое. Один оказался повыше ростом и выбрит, второй с бородой, но оба при этом выглядели щеголевато.

– Облачитесь в костюм, – попросил гладковыбритый.

Совершенное одеяние само расправилось по моей фигуре. Мужчина с бородой коснулся моего костюма, и в этот же миг к моей голове примкнули отростки. По телу разлилась нега, словно в кровь впрыснули слоновью дозу эндорфина и серотонина.

– Вам сделают вживление в тело нейрочипа для коммуникации с сетью станции. В первые часы возможно головокружение и лёгкая головная боль из-за перестройки восприятия. Вы готовы?

Я кивнул, потому что был готов к чему угодно, лишь бы это чувство сладкой неги не покидало меня. Оказалось, что это нужно вместо наркоза. Меня усадили на стул. Его механизм прижал мою голову к находящемуся на уровне верхнего отдела позвоночника устройству, которое принялось копошиться где-то в районе основания черепа. Боли не было, я даже испытывал лёгкую эйфорию, как от массажа. Мужчины наблюдали за процессом, но не вмешивались. Наверное, хирургия на станции полностью лежала на железных плечах автоматов.

Неожиданно я почувствовал, как моё зрение дало сбой. Я квакнул что-то испуганное.

– Не переживайте, происходит процесс сочленения нервной ткани зрительного нерва с чипом. Без этого вы просто

не сможете ориентироваться на станции.

– Это типа интернета в голове? – спросил я пьяненьким голосом.

– Не знаю, что такое интернет. Не думаю, что ваше общество приблизилось к уровню технологий космической станции, но могу гарантировать, вы будете удивлены.

– Я вообще удивлён, что вы существуете. Когда Айрис свалилась мне на голову и начала что-то рассказывать о человечестве, живущем в космосе, я решил, что она ку-ку. Травма после падения. У нас там знаете какие дебаты на тему, есть ли жизнь вне Земли или нет. Друг друга готовы поубивать, чтобы доказать своё, – меня несло, как после ста грамм крепкого алкоголя, – а вам чихать, что думают на родной планете о жизни вне Земли.

– Нам не чихать, просто нет смысла вмешиваться. Вы же сами прекрасно понимаете, что будет, если мы официально заявимся на Землю.

– Что? – Я честно не представлял себе этого.

– Вы же сразу захотите на содержание. Начнёте требовать космические технологии, чтобы не работать и жить припеваючи. А ваши так называемые элиты начнут просить себе особых льгот, чтобы по-прежнему быть над остальными. Или начнёте выпрашивать технологии, чтобы держать другие страны в страхе перед их применением. Проходили, и не раз. Некоторые районы вселенной до сих пор опасны для посещения из-за чьей-то глупой инициативы включить ма-

теринские общества в состав космических цивилизаций. Дикари с пушками опасны. Лучше выдёргивать по одному созревшему для контакта человеку и интегрировать его в наше общество.

– Как меня?

– Вы – особый случай.

– В каком смысле?

– Вы уравнились с Айрис. Считайте себя экспериментом, который определяет, способна ли полноценно существовать в нашем сообществе взаимоуравновешивающая пара.

– Так мы будем вместе?

– Именно. По одному вы слишком деструктивны.

– А она знает об этом?

– Нет. Она до сих пор находится на воспитательном уровне с ограниченной возможностью коммуникации. Вы же знаете её не хуже нас.

– Я думал, что знаю её лучше. За время, что мы были вместе, она сильно изменилась. А вы знаете, по какой причине она вернулась на станцию?

– Разумеется. С нашим уровнем доступа можно знать всё обо всех. В разумных пределах. – Бородатый замолчал.

– Ну и? – Я хотел знать причину.

– Ладно, всё равно, прежде чем вы сойдётесь, придётся рассказать ей обо всём. Дело в следующем. Айрис – эксцентричная особа, небольшой процент таких, как она, всегда

имеется на станции. Правильное общество иногда вызывает протест, особенно у молодёжи. По идее, это неплохо, протест не даёт системе подгнивать, заставляет её искать противоядия и поддерживать себя в тонусе. Айрис – это прививка, но на каком-то этапе она становится слишком опасной и приходится реагировать. Она заигралась до такой степени, что её пришлось выслать со станции и отправить пожить среди вас.

– Земля – это тюрьма?

Бритый засмеялся и хлопнул товарища по плечу.

– Для жителя станции так оно и есть. Отсутствие порядка, первобытные отношения и прочее вполне могут показаться жутким наказанием. Бегство Айрис не было бегством, мы подтолкнули её к этому. Остальное происходящее с ней после приземления полностью зависело от её действий. Ей повезло свалиться рядом с тобой. Вы словно были созданы, чтобы уравновесить друг друга.

– Почему она сбежала? – напомнил я про самую интересующую меня часть.

– Она не сбежала, это мы её забрали. Айрис успела сообщить в службу, которая занимается медицинской помощью, после чего мы её подняли на борт.

– А как она отреагировала?

– Не очень. По-моему, кому-то крепко досталось. Не помнишь? – спросил бородатый у напарника.

– Да, там было несколько переломов конечностей. Пришлось ей обнулить социальные баллы и отправить на прину-

дительный труд.

– А зачем вы забрали её? Это жестоко.

– Жестоко было втравить тебя в эти авантюры. Мы видели записи, у меня долго перед глазами стоял момент, когда в голову человека попала пуля. Я даже согласился на мнемо-процедуру, чтобы удалить его из памяти. Ради перевоспитания Айрис нам пришлось сказать ей, что ты погиб. Она жила с этим некоторое время, а чувство вины меняло её сознание. Потом, после одного теста, когда мы заметили положительную динамику, сообщили ей, что ты жив. И это только ускорило процесс её положительного изменения.

– А меня тогда почему решили забрать?

– Если бы не возможность смерти, этого бы не случилось. Айрис снова устроила нам такой переполох, что все предыдущие изменения чуть не пошли насмарку. Мы решили, что стоит провести эксперимент с вами двумя.

– А если он окажется неудачным?

– Мы сотрём вам память, запишем новую и сошлём на Землю.

– Только не стирайте мне пароли от почтовых ящиков и номеров карточек.

– Я уверен, что это не понадобится. Есть предчувствие, что наш эксперимент окажется удачным и откроет новые горизонты взаимодействия между космической цивилизацией и людьми с материнской планеты. Так, Гордей, приготовьтесь, сейчас произойдёт процесс подключения и настройки.

Внезапно картинка перед глазами запрыгала, как на старом кинескопном телевизоре с плохим сигналом. Она долго дёргалась, меняла цвета, фокус, размеры окружающей обстановки. А когда наконец замерла, я понял, что вижу больше, чем было в этой комнате прежде. У мужчин поверх голов появились надписи с именами и графическим отображением социального уровня. В комнате добавилось обозначений, выделенных цветом. Дверь играла перламутром, как в компьютерной игре, словно обозначала интерактивную функцию. Я качнул головой в сторону, думая, что так смогу открыть её.

– Нет, Гордей. Достаточно приказать ей открыться, но так, чтобы мысль была чёткой, иначе нейрочип не распознает команды. Вообще все эти штучки с дополненной реальностью учат нас управлять собственными мыслями. Сейчас ложитесь, в ваш мозг запишется обучающая программа управления нейроинтерфейсом и тест на умение ею пользоваться. Обещаю, вы сильно устанете с непривычки. Без умения им пользоваться вы останетесь заключённым. До встречи. – Бородатый пожал мне руку.

– До встречи, Йоган. – Я прочитал имя над его головой.

– Замечательно. Вас ждёт успех.

– Спасибо. До встречи, Секирк. – Я протянул руку второму мужчине.

– До встречи. Ждём вас снаружи. – Он остановился в дверях. – Была ещё одна причина забрать Айрис. Мы боялись, что она убьёт тех преступников из мести. А это, сами пони-

маете, карается не только на Земле.

Они ушли. Я лёг на кровать, услужливо вывалившуюся из стены. Правда, трюк с кроватью не имел к моим новым способностям никакого отношения. Она просто вываливалась, стоило мне постоять в определённом месте. Наверное, это была специальная комната для новичков. Я лёг и закрыл глаза. В голове раздался голос, перед глазами возникла картинка, и начался демонстрационный ролик, в процессе которого мне предлагалось активировать ту или иную ментальную функцию: открыть дверь, ящик стола, запустить информационное табло, принять сообщение, узнать информацию об интересующем меня человеке и даже проложить маршрут до требуемого уровня станции. Получалось не сразу. Я отвлекался, иногда думал о другом и никак не мог сконцентрироваться на том, что от меня требовали. Когда демка закончилась, я устал, словно весь день отмахал молотом на железной дороге, забивая костыли.

Слегка побаливало в районе первого позвонка. Боль усиливалась при вращении головы. В ответ на мои мысленные переживания неожиданно раздался приятный женский голос:

– Ваша боль является нормальной реакцией на вживление искусственного объекта. Желаете убрать её?

– Желаю, – с готовностью согласился я.

– Желаете убрать боль или оставить как есть? – переспросил голос.

– Я же сказал, убрать, – повторил я, немного нервничая.

– Если вы не желаете избавиться от болезненных ощущений при помощи нейромедиаторных импульсов, предлагаю вам уснуть. Сон ускорит заживление.

– Я желаю получить обезбоживание. Слышишь меня?

– Я слушаю вас.

– Бли-ин! У меня болит голова, сделай что-нибудь.

– Вы желаете убрать головную боль?

– Да.

– Расслабьтесь и закройте глаза. Сейчас будет проведён сеанс ослабления передачи нейромедиаторных импульсов.

В месте, откуда разносилась боль, запульсировало, потеплело, и по телу прокатилась массирующая волна расслабления.

– Вы будете находиться под постоянным мониторингом из-за опасности потери чувствительности.

– Спасибо. Делайте что хотите, мне полегчало. – Я был впечатлён анестезирующими свойствами нейроинтерфейса. На Земле такая штука мне бы очень пригодилась. Я закрыл глаза, собираясь немного вздремнуть, но у меня не получилось. Перед закрытыми глазами висел экран, отсвечивая мне прямо в мозг.

– Тётя, разговаривающая у меня в голове, выключите, пожалуйста, изображение, я хочу вздремнуть.

– Ваша команда не распознана, возможно, вам следует повторно просмотреть обучающий урок, – занудно произнёс

женский голос.

– Ни в коем случае. Я умру раньше, чем досмотрю его. Сейчас я соберусь с мыслями и скамандую тебе правильно.

Я начал лихорадочно вспоминать обучалку, которая объясняла, как правильно управлять командами. «Выключить экран нейроинтерфейса», – приказал я мысленно. И в то же мгновение экран потух.

– Фу-ух, хоть какая-то польза от разговоров с самим собой.

Я проспал пару часов, восстановивших силы. Проснувшись, ощутил голод и приказал доставить мне еды. Не прошло и десяти секунд, как в моей комнате заморгал индикатор, а голос сообщил, что еда доставлена. Причём индикатор моргал только у меня в глазах, в действительности там, где он отображался на стене, ничего не было. Я специально пощупал руками. Мысленный приказ заставил автоматику открыть в стене отверстие и выбросить мне в руки коробку со съедобным желе. Это был уже четвёртый раз, когда я его ел, и пока что оно мне не надоело, хотя вкус новизны пропал.

После обеда – я был уверен, что это именно обед, хотя мог ориентироваться только относительно периодов сна, – я почувствовал, что пора самому открыть дверь комнаты и выйти в мир, в котором живут выходцы с планеты Земля. От волнения вспотели ладони, малодушное второе «я» советовало отложить выход, пока не появится реальная причина для этого.

– К чёрту! – резко выдохнул я. – Сим-сим, откройся!

Дверь не шелохнулась.

– Дверь, отворись!

Тот же результат. Надо было снова напрячь память и вспомнить, какую команду ждёт механизм открывания двери. И тут я вспомнил, что у меня не горит экран дополненной реальности.

– Включить экран интерфейса!

Мир мгновенно расцвёл обозначениями. Дверь, как элемент взаимодействия с интерфейсом, подсвечивалась перламутром. Я задержал на ней глаза, всего на секунду, но изменившийся цвет дал мне знать, что она готова подчиниться. В случае с дверью не обязательно было отдавать речевой приказ, достаточно сделать движение глазами, и мысленно, не облекая команду в слова, пожелать ей открыться. И это работало. Дверь открылась.

С замиранием сердца я вышел в коридор и почувствовал себя внутри корабля с длинными коридорами и дверями кают вдоль него. На каждой двери светился виртуальный символ порядкового номера. Моя была обозначена номером 1024.16.27. Это что-то должно было обозначать. Несколько раз повторил этот номер, на случай если потеряюсь, что совершенно немудрено в одинаковых коридорах.

Я произвольно выбрал сторону, в которую направиться. Из каюты под номером 980.16.27 вышла девушка. Можно было предположить, что она имела арабское, турецкое или

ещё какое-то происхождение из тех краёв. Чернявая, с большими карими глазами, окаймлёнными густыми длинными ресницами, с ямочками на пухлых щёчках и белоснежной улыбкой. Глядя на её идеальные зубы, захотелось посмотреть «Щелкунчика». Благодаря дополненной реальности я узнал её имя и социальный рейтинг. Её звали Кайха, рейтинг исчислялся трёхзначным числом. Не девушка, а антипод моей Айрис.

Она тоже видела мой рейтинг, который рассмешил её.

– Горди, ты новенький? – спросила она, озаряя сиянием улыбки серые стены коридора.

– Правильно – Гордей. Да, я первый раз вышел из своей комнаты.

– Здорово. А ты откуда?

– С Земли.

– С самой Земли. – Кайха, впечатлившись моим происхождением, полезла обниматься. – Надо же, в таком возрасте ты прошёл отбор. Я видела с Земли только детей. Поздравляю. А хочешь, я устрою тебе небольшую экскурсию?

– Был бы признателен. – У меня немного закружилась голова, то ли от близости девушки, то ли от слабости, оставшейся после операции.

– Идём. Я как раз собиралась пойти принять солнечные ванны в садах. Начну твоё знакомство с места, откуда видно звёзды и светило. Звёзды – это такие далёкие солнца, а не дырки в чёрном одеяле ночного неба, – пояснила она мне,

словно дремучему пещерному человеку.

– Вообще-то я в курсе, что такое звёзды, солнечные системы, галактики и скопления галактик.

– Правда? А по тебе... Я хотела сказать, что была неправильно информирована. Мои предки попали сюда больше тысячи лет назад. У нас как семейная реликвия до сих пор хранится глиняный кувшин, с которым их оттуда забрали. Мой дедушка, тогда он был ребёнком, пас овец в горах, а в кувшине у него было молоко. Ты же знаешь, что такое кувшин?

– Да.

– Ой, ну разумеется. А кем ты работал?

– Последняя работа – курьером.

– А это как?

– Пиццу развозил клиентам на машине по городу.

– Здорово, но ничего не понятно. Потом расскажешь, ладно?

– Ладно.

Кайха была похожа на одержимого радостью ребёнка. Лучилась позитивом, часто смеялась, но при этом создавалось ощущение, что она не особо одарена интеллектом или разносторонним развитием. Причём она давала понять, что думает то же самое обо мне.

– Это лифт.

Мы подошли к стеклянной трубе с яркими кругами света через равные промежутки. Я рассмотрел их источник. Све-

тилась тонкая плёнка, наклеенная на стекло.

– Какой необычный источник света. Интересно, за счёт чего он излучается? – спросил я вслух.

– Какой ты забавный. Светится, потому что так сделано. У нас тут для тебя многое покажется необычным и невозможным.

Мы вошли в трубу, ступив на платформу, которая слегка колыхнулась под нашим весом. Наверное, Кайха отдала мысленный приказ лифту, потому что движение началось внезапно и с большим ускорением.

– Не пугайся, у нас всё продумано. Станция совершенно безопасна для человека.

– Я очень на это надеюсь.

Лифт резко затормозил, создав кратковременную иллюзию невесомости. Дверь открылась, мы вышли и очутились в потрясающем стеклянном куполе огромных размеров. За стеклом светились звёзды, их скопления и туманности. На горизонте занимался яркий рассвет местного светила. Пространство под куполом, разделённое на многие уровни и ярусы, занимала многообразная растительность. Аромат зелени стоял потрясающий. Я замер с открытым ртом, будто оказался в настоящем эдемском саду. Кайха, довольная демонстрацией, схватила меня за руку и потянула за собой.

– Идём, я покажу тебе место, где можно позагорать без одежды.

– Я не в форме, – засмутился я демонстрировать своё

несовершенное тело перед ослепительно совершенной жительницей станции.

– Ты ещё забавнее, чем я думала. Мы не увидим друг друга.

– А можно, чтобы я тебя видел, а ты меня нет?

– У тебя баллов для этого не хватит.

– Я забыл, что у меня их нет.

– С чего ты взял? – Кайха посмотрела поверх моей головы. – У тебя ровно тысяча, как у новорождённого.

– Тысяча? – вылупился я на девушку, вспомнив, что Айрис говорила, будто у неё всего четыреста семьдесят.

– Да. Базовый уровень. Если хорошо проведём время, я сделаю тебе респект, и ты получишь от меня пять баллов.

– Спасибо. Я постараюсь, чтобы оно у тебя хорошо прошло. А что для этого нужно?

– Нужно проявлять социальные навыки положительного взаимодействия. Проще говоря, быть весёлым и общительным.

– О, не знаю, с этим у меня всегда были проблемы.

– Я тебя научу. – Кайха, звонко смеясь, потянула меня вверх по высоченной лестнице, на которой будто снизили привычный уровень гравитации. – Осторожнее, здесь половина g , – подтвердила она мои подозрения, – но ты всё равно не поймёшь, что это.

Мы выбежали на платформу со множеством подвесных садов вьющейся растительности. Между деревьями и лиа-

нами порхали разноцветные птицы. Тут я впервые увидел роботов. Автоматы, ничем не похожие на человека, парили между подвесных платформ, ворошили в зелени, подрезали ветки, поливали, направляли лианы. Они были пятнисто окрашены в зелёные цвета разных оттенков, чтобы не выделяться на фоне зелени. Удивительно, но я разглядел на платформах несколько человек, занимающихся ручным трудом.

– Почему используется ручной труд? – спросил я у новой знакомой.

– А потому что надо уметь жить в обществе, а не идти против него. Наказаны физической работой. Ты, наверное, знаешь пословицу, что труд превратил обезьяну в человека. У вас же там не такой большой промежуток между стадиями человека и обезьяны, разница не такая наглядная.

– Такой же, как и у вас. У нас одни и те же предки и время течёт вроде одинаково.

– Да? – Кайха озадачилась. – А я всегда думала, что мы... что вы моложе.

– Тебе срочно надо слетать на Землю, чтобы изменить своё отношение.

– Нет, ни за что. Идём, осталось немного.

Мы снова поднялись по лестнице. Наш путь лежал как раз впритык к подвесному саду, в котором работали несколько человек. Я не собирался их рассматривать, но мой взгляд случайно упал на светловолосую девушку, пытающуюся от-

кусить секатором ветку, на которую тот не был рассчитан. Я замер как вкопанный. Над её головой висело имя Айрис, а социальный рейтинг равнялся трёмстам девятиста. Она заметила моё внимание и бросила работу. Точно, это была моя Айрис.

– Идём. Ты же видишь её рейтинг, – зашептала на ухо Кайха. – Она опасна.

– Нет, я вижу, что она совершенно безопасна. Это моя девушка.

– Твоя кто? – От позитивного настроения Кайхи не осталось и следа. – Когда ты успел? А впрочем, чего ждать от примитивного создания?

– А я от тебя ничего и не ждал. Иди без меня.

– Я тебе рейтинг уроню на сто баллов, – мстительно пообещала она.

Я не стал реагировать на её агрессивный выпад, повернувшись к ней спиной и глядя в сторону Айрис. Раздался частый стук подошв по ступенькам. Потная и уставшая Айрис подошла ко мне, провожая взглядом поднимающуюся Кайху.

– Ты делаешь успехи у местных женщин. – Она вытерла рукавом пот со лба. – А я тут пытаюсь заработать баллы, – произнесла она немного смущённо.

– А давай я тебе помогу. Мы же команда?

– А давай. – Она протянула мне секатор.

– Уверена? Ты же сильнее меня.

– Больше нет. Меня снова сделали обыкновенной.

Глава 2

– Как? Почему? За что? – Я не представлял Айрис без искусственных помощников, делающих её ещё совершеннее.

– Вот так. Они были незаконными, потому их следовало удалить из тела. К тому же некоторые из них сыграли против меня, представив на обозрение всю мою деятельность на Земле. А что, без них я тебе нравлюсь меньше? – Айрис пощёлкала перед моим носом лезвиями секатора, с которых стекал густой зелёный сок.

– Пропало ощущение безопасности, – произнёс я с серьёзным видом. – Получается, теперь я буду мужиком в нашем союзе?

Айрис поняла шутку и заливисто рассмеялась.

– Здесь нам бояться нечего, в смысле физического насилия. Преступности в земном смысле здесь нет, но придётся держать себя в узде, чтобы такие девицы, наподобие этой, что чуть не увела тебя, не превратили твой базовый рейтинг в преступно низкий.

– Иначе меня перестанут кормить?

– Иначе депортация. Пожизненная.

– Скажи, а ты что-то знаешь о том, что мы с тобой являемся объектом эксперимента, в котором рассматривается наша способность уравнивать друг друга, как прецедент для переселения землян на станцию?

– Знаю. Пока ты был там, меня тут изводили не только законники, но и всякие социальные работники, учёные и прочие. Мою память тысячу раз переписывали на аналитические устройства. Показывали даже инопланетянам, чтобы они проанализировали наши с тобой приключения. Чуть до суицида не довели. Миллионы анкет прошла. Ещё месяц назад чувствовала себя так, будто от меня уже ничего не осталось, всё проанализировано, разобрано и расставлено на соответствующие полочки. Моя мать уже боялась открывать мне дверь, думая, что моё появление понизит её рейтинг, который она зарабатывала всю свою жизнь.

– Какой ужас, Айрис. На Земле нам с тобой было бы веселее.

– Гораздо веселее. Но я не вижу ни одного шанса сбежать отсюда.

– А твои криминальные друзья?

– Многих разоблачили, а те, что остались, боятся дёрнуться. К тому же они считают меня виноватой в их разоблачении.

– Айрис, работа сама не выполнится. Ещё минута, и я отберу у тебя десять баллов, – требовательно обратилась к моей подруге немолодая женщина в голубом халате.

– Иду, – не оборачиваясь, прокричала Айрис.

– Я с тобой. – Я решительно перебрался с лестницы на опору подвесного сада. – Из-за меня тебя не лишат баллов?

– Смотря как ты себя покажешь.

– А что мне показывать? Давай секатор, показывай, что делать, буду резать. А ты носи ветки в кучу. Будем работать в паре, как в старые времена.

– Отлично, напарничек. – Айрис стукнула меня в плечо, и это было совсем не больно.

Народ с интересом смотрел на меня, но неявно, делая вид, что работой заинтересованы больше. И было отчего. У каждого из них имелось от трёхсот до пятисот баллов максимум.

– Здоровеньки булы, земляне, – поздоровался я в шутиливой манере.

– Айрис, это что за пылкий юноша? – строго спросила женщина в голубом халате, видимо являющаяся бригадиром. Ближе я смог прочитать её имя – Хеленга.

– Это Гордей. Три дня назад его забрали с Земли. До этого мы жили вместе на его планете, пока меня не вернули.

– С самой Земли? – Из-за дерева показался парень с длинным лицом и близко посаженными глазами. Над его внешностью явно никто не работал. Его звали Матиаро.

– С самой. С прародины всего человечества, – не без гордости заявил я.

– Повезло тебе, – торжественно произнёс Матиаро. – Здесь намного лучше. Ты уже заметил это?

– Я ещё присматриваюсь, – уклонился я от оценок.

– Я вам сто раз говорила, что на Земле не так опасно, как нам рассказывают, – возмутилась Айрис. – А вы, как роботы, одно и то же талдычите, пока вам программу не перепишут.

– Тебе верить нельзя, – резко ответила Хеленга. – Сегодня ты так врёшь, завтра по-другому.

– Я никогда не врала, Хеленга, просто вы в силу своего кругозора не могли понять, что я пыталась вам сказать.

– Минус балл за публичное унижение. – Хеленга ткнула в сторону моей Айрис пальцем. – Чтобы знала, как за языком следить.

Айрис посмотрела на меня. Её взгляд выражал злость и беспомощность одновременно. Такой я её не помнил никогда.

– Так, народ, хорош уже лаяться без повода, давайте работать, солнце ещё высоко, – пощёлкал я рукоятками секатора. – Айрис, показывай, кому тут что отчекрыжить.

Она подвела меня к деревцу и объяснила, какие ветки на нём лишние. Моя физическая подготовка оказалась лучше её. Ветки отлетали от ствола под моими усилиями. Работа спорилась. Мы с Айрис сделали норму намного быстрее остальных. Завершив её, недолго отдохнули и принялись помогать другим, что в их мире казалось чем-то необыкновенным. Оказывается, за это баллы не накидывали. Получалось, что наказание в виде работы не подразумевало её выполнение, а имело под собой только воспитательный эффект. Роботы справились бы с ней намного быстрее и лучше.

Однако бригада, тронутая нашей помощью, выразила нам устную благодарность.

– Ладно, Айрис, за сегодняшнюю отработку добавлю тебе

пятьдесят баллов, – пообещала Хеленга. – А твоему дружку двадцать. Вижу, что человек он неплохой, непонятно только, как на тебя запал.

– Колдовской приворот, – пошутил я. – Присушила.

Матиаро неуверенно засмеялся, как над шуткой, которую не совсем понял.

– Спасибо вам за баллы, Хеленга. Признаться, я ещё совсем не ориентируюсь в обстановке, и первый положительный опыт очень вдохновляет меня, – поблагодарил я бригадиршу.

Тётка расцвела.

– Так, все в душ. Одежду, инструмент сдать. Завтра в восемь утра жду вас на второй подвеске. Там будем работать в респираторах из-за появления чёрной плесени.

– Скажите, а мне можно с вами? – спросил я надеждой.

Хеленга рассмеялась.

– На твоём месте я бы обошла всю станцию, чтобы удовлетворить любопытство.

– Вначале мы догоним рейтинг Айрис до тысячи, а потом она сама всё покажет. – Я прижал её к себе и поцеловал.

– Боюсь, с такой революционеркой вам придётся очень долго стричь ветки и красить станцию, – вздохнула бригадирша.

– Красить станцию? Снаружи? – возбудился я от перспективы выйти в космос.

– Конечно, чего её красить изнутри? – заржал Матиаро.

– И скафандры дадут?

– Там не скафандры используют, а скафрумы – двухместные кабинки с манипуляторами. Работёнка ещё более нудная, чем срезать ветки. Представь, весь день вдвоём в тесной комнатухе. Ни дыхнуть, ни пёрнуть, простите, – снова заржал Матиаро.

– Если мы будем работать с Айрис, то меня это совсем не пугает, – признался я.

– Ромео и Джульетта, – усмехнулась Хеленга. – Живо в душ, черти зелёные.

Публичное обнажение, как я знал от Айрис, не считалось на станции чем-то зазорным. Народ на виду друг у друга разделся и прошёл в кабинки из мутного стекла. Я выбрал кабинку рядом с кабиной Айрис. Едва она скинула свою одежду, я заглянул к ней.

– Потереть спинку? – спросил я томным голосом.

– Конечно. Полгода мне никто не тёр спинку и под спинкой, и вообще везде.

– А как же баллы?

– Ты слышал, Хеленга сказала, что набрать их будет нелёгкой задачей. Не станем же мы её разочаровывать.

Айрис протянула мне нежную губку с приятным запахом свежести. Развернулась спиной, упёрлась руками в стеклянные стены и широко расставила ноги.

– Три, – приказным тоном попросила она.

Я даже растерялся, не понимая, была ли команда дана об-

разно или буквально. От вида её обнажённого тела, да ещё в такой демонстративной позе, у меня тут же проявились все признаки возбуждения. Я принялся водить мочалкой по спине, а сам думал только о том, как оказаться внутри Айрис. Возбуждение притупило стыд и страх публичности.

– Не забывай, что мы здесь под наблюдением, – произнесла Айрис, чем сразу же отбила похотливые мысли.

– На самом интересном месте... – разочарованно выдохнул я и вяло поводил по упругим ягодицам Айрис.

– Я узнаю в социальной службе насчёт нас, и если они дадут добро, ночевать будешь у меня. Попью чайку с крекерами и всё такое. – Она ухватила моё хозяйство и игриво подвигала бровями. – А теперь иди в свою кабинку. Слышишь, все воду выключили, чтобы слышно было, чем мы тут занимаемся.

И действительно, через мгновение во всех кабинках снова зашумели падающие на пол струи воды. Я помылся, отметив удивительную способность мочалки самостоятельно производить ароматную пену. Мимо меня прошли работники, закончившие мытьё, исподтишка бросая любопытные взгляды. Я чувствовал, что являюсь для них экзотикой. Не такой, как Айрис для коренных землян, но всё же.

Матиаро оделся и встал напротив моей кабинки, явно ожидая меня. Я поскорее закончил мыться, оделся и спросил его о причине ожидания. Он посмотрел на мою голову, на которой сквозь короткую стрижку проглядывали шрамы.

– Я слышал, на Земле постоянно ведутся войны.

– Да, есть такое. Из тысячелетия наберутся несколько лет, когда их не было.

– Воевал? – Матиаро снова покосился на мои шрамы.

– Воевал, – не стал я его разочаровывать. – В комментариях заслужил два бана перманентных.

– Мужики-и-ик, – уважительно произнёс он. – Сразу видно, что ты суров.

Меня насмешило его предположение. Уж кем-кем, но суровым я точно не был. Подошла Айрис с какой-то штукой в руках, которая совершенно бесшумно сушила ей волосы. Прямо на глазах мокрые сосульки после прохода прибором превращались в ровные волнистые локоны.

– Матиаро, успеешь ещё наговориться. У Гордея переизбыток эмоций, а тут ещё ты со своими допросами.

– Я не допрашивал, мне просто интересно. Не каждый год увидишь коренного землянина в таком возрасте. Я вообще в первый раз с подобным встречаюсь. Это же так познавательно, как вы там вообще выживаете в таких условиях?

– Ну, условия у нас, на первый взгляд, не так сильно отличаются от ваших. Нет вот этого всего перед глазами. – Я помахал ладонью перед собой, намекая на нейроинтерфейсную завязанность окружающего пространства. – Но в остальном есть общие черты, по крайней мере внешние.

– Я в такое не могу поверить, пока не увижу своими глазами. – Матиаро изобразил скепсис на лице.

– Могу организовать тебе такую возможность, – едко пообещала Айрис.

– Нет-нет, не надо, – Матиаро поднял руки перед собой, – я всё понял, удаляюсь. До завтра!

– До завтра. – Я помахал ему рукой в спину. – Смешной.

– Туповатый. Ему запретили иметь детей по этой причине, чтобы не множить свои непутёвые гены.

– Бедняга, – пожалел я парня.

– Ничего, здесь он проживёт достойную жизнь, а на Земле ему пришлось бы туго.

– Не уверен, что дуракам на Земле плохо живётся. Сколько их знал, все лучше меня жили, пока тебя не встретил.

– Хочешь сказать, я сделала тебя дураком?

– Не ты, – прижал я Айрис к себе, – любовь нас делает дураками.

Её волосы волшебным пахли, вызывая у меня прилив гормонов счастья. Моя правая ладонь поддерживала её упругую грудь, левая прижимала плоский животик, и казалось, что мы обманули весь мир, найдя уединение от него в своих ощущениях. Идиллию разрушило сообщение, появившееся у меня перед глазами. Я даже дёрнулся от неожиданности.

– Что случилось? – посмотрела на меня Айрис.

– Сообщение. Явиться на уровень 03, сектор 100, дверь 16 для осмотра и выявления отклонений.

– Это медицинский уровень. Тебя перетряхнут изнутри. Посмотрят, есть ли какие заболевания, и избавят от них. Так

что завтра ты не сможешь работать со мной, и ночевать сегодня, скорее всего, тоже. Жаль, – вздохнула Айрис. – Здесь я не такая, как на Земле, правда?

– Нет, неправда. Тому Гордею, которым я был, когда мы встретились, нужна была именно такая Айрис, какой ты являлась тогда. Сейчас обстоятельства другие и нам никак нельзя желать оставаться прежними. В тебе стало меньше мальчишества и озорства, но больше женского. У меня голова кружится, когда ты рядом.

– У новичков часто случается головокружение из-за особенностей перераспределения гравитации на станции.

– Ты всё испортила.

– Это я могу делать прекрасно. – Айрис потянулась ко мне губами.

Мы страстно поцеловались. И мне, и ей одновременно пришло извещение о снятии двух баллов за ненадлежащее поведение в публичном месте.

– Ты подумай, с голой жопой ходить нормально, а поцелуй – это прямо аморально, – возмутился я.

– Это твой первый минус? – поинтересовалась Айрис.

– Да.

– Поздравляю. У тебя хорошие учителя.

– Я не понимаю, у вас что, целоваться можно только дома?

– Ну, если мы не в браке, то да, иначе можно и на людях.

Главное – статус.

– У вас можно приобрести палатку? Я хочу устроить услу-

гу: секс в любом месте для нуждающихся. То-то можно будет солидно рейтинг поднять на благодарности граждан.

– Нет, у нас так не работает. Граждане подарят тебе по пять баллов, а службы снимут сотню.

– Это называется диктатура.

– За безопасность общества приходится платить ограничениями свободы. Когда ты знаешь, что всегда под надзором и никакое твоё действие не останется безнаказанным, поневоле выберешь те условия, которые предлагают. Для большинства людей это идеальная организация общества. И это меня бесит.

– Так можно и импотентом стать.

– Ты заметил уже, что нагота у нас не является объектом интереса со стороны противоположного пола, как на Земле?

– Заметил.

– Это так тоскливо – видеть отсутствие интереса в глазах мужчины, когда ты перед ним нагая, открытая.

– Передо мной это открывает огромные перспективы. Хочу подрабатывать охранником в душе.

– И думать забудь. – Айрис сжала моё запястье.

У неё теперь не было той силы, и потому попытки надавить физически только рассмешили меня. Я поднял её на руки и опасно покружил. Она прижалась ко мне и громко рассмеелась.

– Я знаю, где мне снова могут поставить имплантаты, так что твоё физическое преимущество временно, самец.

– Пока не поставили, буду пользоваться твоей слабостью по малейшей прихоти, самка.

Мы задержались в кабинках, получив за это по полсотни баллов штрафа. Айрис отработала день по нулям, а я ушёл в минус, получив рейтинг ниже базовой тысячи, который уже предусматривал некоторые ограничения доступа.

– Это мой первый космический секс, – признался я. – И он обошёлся не так уж дорого. Мне интересно, у всех, кто не состоит в браке, забирают пятьдесят баллов?

– Нет, конечно. Если не хочешь терять баллы, то должен получить разрешение от партнёра, а партнёр от тебя. В моём случае эта возможность заблокирована. Так что я могу только понижать свой социальный рейтинг. – Айрис поджала нижнюю губу и засопела.

– Не страшно. Жили полгода без интима и ещё поживём. Объявляю месячник воздержания с целью восстановления базового уровня. И вообще, буду находиться рядом, чтобы сдерживать твои эмоциональные порывы.

В моих ушах раздался какой-то сигнал, а перед глазами, куда бы я ими не повёл, высветилась строчка: «Вам добавлены семь баллов за социальную активность».

– Ого! – Наверное, моё лицо выражало искренне удивление, напугавшее Айрис.

– Опять сняли?

– Нет, добавили, за социальную активность.

– Чёрт, как это у тебя получается? Я тут родилась и вы-

росла и понятия не имею, как поднять рейтинг, а у тебя он сам растёт.

– Я ничего не делал, просто пообещал тебе помочь, и бац, пришло сообщение. Кому бы ещё помочь? Нет у вас тут старушек, которых надо перевести через дорогу? Или акцию экологическую замутить: «Убей бобра – спаси дерево»? Меня прямо подначивает создать фонд помощи пострадавшим от наводнения в Атлантиде. Баллы хочу. А что у вас делают люди с максимальным уровнем социального рейтинга?

Айрис посмотрела на меня с добродушной улыбкой.

– Ты мне очень кого-то напоминаешь.

– Кого?

– Меня, в первые дни на Земле. Тебе так не кажется?

Я задумался, отправившись воспоминаниями в прошлое. Сходство было налицо – тот же океан энергии, уверенность в своих силах и желание добиться многого. У меня создалось ощущение, что я смогу незамутнённым взглядом найти способ процветать в этом мире.

– Кажется, но в отличие от твоих наклонностей, мои не криминальны и гарантируют успех.

– Я буду только рада. – Айрис наклонилась ко мне, будто за поцелуем.

Я поддался на провокацию, но уткнулся губами в её ладонь.

– Помнишь, ты обещал поднять мой уровень?

– Блин, я думал начать завтра. – Мне очень хотелось ощу-

тить её губы в своих.

– Здесь и сейчас самое лучшее время начать мне помогать. Иди домой, выпишись, сходи завтра на обследование и, если останется время, приходи сюда работать.

– А как же чай с крекерами?

– Сегодня вместо него у нас было совсем другое. Лучше я угощу ими маму. – Айрис сжала ладонь в кулак. – Чеши домой, но пасаран.

– Я дорогу не помню. У вас здесь слишком однообразные коридоры, я буду блуждать в них до морковкина заговенья. Проводишь?

– Сегодня не получится, Гордей. Давай лучше научу пользоваться навигатором. Ты помнишь номер своего жилого модуля?

– Да, конечно. Тысяча двадцать четыре, шестнадцать, двадцать семь.

– Отлично. Махни взглядом в левый верхний угол и открой вкладку со стрелкой.

– Махнуть? Блин, попробую. – Я сделал несколько нелепых бесполезных движений зрачками, насмешив свою космическую подругу. – Не получается. У меня угол зрения маленький, картинка сбегает раньше.

– Не двигай головой. Надо, чтобы она оставалась неподвижной. Давай попробуем иначе. Следи за моим пальцем, как на приёме у психиатра.

– Давай.

У нас получилось с первого раза. Я повёл взглядом за пальцем Айрис и попал в значок со стрелкой. Она переместилась в центр поля зрения с моргающим курсором.

– Что теперь? – спросил я у подруги, будто она видела, что происходит перед моими глазами.

– Назови номер модуля и добавь слово «маршрут», – поняла меня Айрис.

Я назвал номер своего жилья и добавил волшебное слово. Тонкая яркая линия, исчезающая при повороте головы или глаз, появилась в поле зрения. Она начиналась от меня, тянулась к лестнице с половиной нормальной гравитации, а дальше я уже не видел.

– Чудеса, – восхитился я встроенным в себя навигатором. – Будь у меня такой во время работы курьером, цены бы ему не было. А как называется это место, чтобы мне завтра сюда прийти?

– Необязательно его как-то задавать. Так же попади взглядом на стрелку и скажи слово «маршруты». Выбери его и иди по маркеру.

– Спасибо.

– Тебе спасибо, – Айрис мило улыбнулась.

– За что?

– Мне только что упали десять баллов.

– Во-о-от. – Я нравоучительно поднял вверх указательный палец. – Ещё немного хороших дел, и наша акробатика в душе окупится.

– Иди уже, акробат. – Айрис шлёпнула меня под зад, направляя к выходу. – Кстати, никогда не мечтал о сексе в невесомости?

Я резко развернулся лицом к Айрис.

– Я мечтал о них отдельно, – признался я. – А что, у вас тут есть такая услуга?

– Нет, конечно, это не Земля, родной. Я просто подумала, что можно было ещё раз понизить наш социальный рейтинг, но только после того, как мы наберём базовый уровень.

– Зря ты мне об этом рассказала, теперь я буду мечтать только о сексе в невесомости, а не о базовом уровне.

– Это будет нам стимулом поднять его как можно быстрее. До завтра. – Айрис подтолкнула меня на лестницу с низкой гравитацией.

От неожиданности я чуть не упал. Айрис залилась смехом, наблюдая мою неуклюжесть. Пришлось сделать над собой усилие и продолжить путь, следуя за ярким маркером с высоко поднятой головой и перепрыгивая через несколько ступенек.

Домой я вернулся быстро. Схема перемещений по станции оказалась довольно удобной. Пришлось немного помучиться с норовистой дверью, не желающей реагировать на мои мысленные команды, пока я не успокоился настолько, что в голове осталась только одна мысль. Лишь после этого мой привередливый нейроинтерфейс понял команду и открыл вход в жилой модуль.

Оказавшись дома, я понял, как устал. Масса впечатлений измотала организм и психику. Овальный гроб медицинской капсулы ждал меня, приветливо распахнув нутро. Я облачился в серебристый костюм и забрался внутрь него. Как живая, капсула сразу же приросла ко мне отростками, от которых по телу расползлось приятное чувство расслабления. Я мгновенно уснул.

Глава 3

Модуль знал лучше меня, когда надо просыпаться. Пустил по моим нервам бодрящий заряд, после которого от сонного состояния не осталось и следа. Я, как вампир, выпрыгнул из гроба с последними петухами, полный жизненных сил. Через секунду нейроинтерфейс сообщил, что меня ждёт завтрак, осталось только впустить его в комнату. Удивительно, но я уже испытывал голод, чего со мной никогда не случалось в течение часа после сна.

Пятислойное «пирожное» за одну минуту оказалось внутри желудка. Я запил его оранжевой жижой с сильным витаминным привкусом и направился в душ, напоминающий автоматическую автомобильную мойку. Струи обошли моё тело вдоль и поперёк. Вначале пеной, потом чистой водой и затем ароматизатором с травяным запахом. После душа на коже осталось приятное бодрящее ощущение, как после массажа.

Перед выходом мне захотелось разобраться с развлекательной частью обстановки, которая наверняка здесь была, только я не мог её опознать. Хотелось посмотреть что-нибудь из местных образцов развлечения публики, хотя я заранее готовился к тому, что это будет скучно и патологически правильно. Что-нибудь из жизни людей с нереальным социальным рейтингом, которые добились всего сами и ещё кучу

народа подбили жить по заветам системы.

Помучившись несколько минут бешеным вращением зрачков ради попадания в значки, которые могли оказаться нужными, пришлось сдаться. Я понял, что моя память с кем-то мне изменяет. Надо было заново пересматривать занудную инструкцию для нейроинтерфейса, а мне этого совсем не хотелось.

– Тётка в моей голове, подскажи, пожалуйста, как мне посмотреть какую-нибудь весёлую передачу про жизнь на вашей станции?

– Доброе утро, Гордей. Если вам удобнее пользоваться голосовыми командами, вы можете для удобства дать мне имя, например, Тётка в моей голове. После обращения я буду автоматически ждать команды.

– Ух ты, простите, нет, такое имя вам не идёт. Давайте я буду звать вас Тамарой Львовной.

– Прекрасное имя. Я согласна. Кстати, вы не против интерфейса с женским голосом?

– Конечно же нет, хотя у Тамары Львовны был ещё тот бас.

– Прекрасно. Мне очень приятно, что вы сравниваете меня с реальным человеком.

– Да пожалуйста, не жалко. Её голос многие годы сидел в моей голове.

– Итак, Гордей, какую функцию нейроинтерфейса Тамары Львовны вы желаете использовать?

– Давайте упростим обращение: просто какую часть Тама-

ры Львовны вы хотите использовать. — Я гоготнул, представив себе начальницу склада по частям.

— Я согласна. Итак...

— У вас есть какие-нибудь развлекательные передачи или короткие скетчи, которые я мог бы посмотреть перед тем, как пойти на медицинское обследование?

— Если я правильно понимаю слово «передачи», то вы желаете поучаствовать в какой-нибудь дискуссии на развлекательную тему?

— Нет, только не участвовать, достаточно созерцать со стороны. — С моей-то интровертностью только в публичных обсуждениях и участвовать.

— Я поняла, вы хотите быть зрителем.

— Именно так.

— У меня есть для вас представление о приключениях гражданина станции Айзека, попавшего на сломанном судне в пояс астероидов, в котором жили космические пираты. Вам интересно?

— Валяй. С чего-то надо начинать. Куда смотреть?

— Никуда. Просто займите удобное положение, чтобы случайно не упасть. В первый раз я бы рекомендовала вам лечь.

— Меня ждёт такое головокружительное погружение? — Я последовал совету и лёг на выступившую из стены кровать.

— Очень правильное сравнение. Я запомню его.

— И всё-таки...

Я хотел спросить про экран, на котором появится кар-

тинка, но вдруг произошло то, к чему я не был готов. Моя комната исчезла, а я оказался внутри какого-то аппарата с небольшой стеклянной кабиной, за которой виднелся чёрный космос с мириадами звёзд и светящимися газовыми туманностями. Я уже не лежал, а сидел на втором кресле. Передо мной в первом кресле сидел какой-то мужик с отросшей курчавой шевелюрой. Он прилично ругался и стучал по моргающей лампочками приборной панели.

– Чёртово корыто! Опять разгумяне надурили меня, подсунув развалюху. Вернусь – перестреляю всех! – Мужик в сердцах стукнул по панели, которая издала щелчок, испустила сноп искр и потухла. – О боже, я потерял управление.

Погружение действительно оказалось головокружительным. Я на самом деле ощущал себя в том месте, которое видел. Мой нос учуял запах горелой проводки, разъедающей его. Я вытянул руку вперёд, чтобы узнать, как она выглядит, но не увидел её и решил, что в этом представлении являюсь сторонним наблюдателем, способным ощущать всеми органами чувств, но не влиять.

Айзек, я был уверен, что это именно он, отстегнулся от сиденья, вынул из-под него чемодан с инструментами и попытался вскрыть приборную панель. Он что-то там крутил, вертел, литературно выражался и не заметил, как над нашими головами завис устрашающего вида объект, похожий на гибрид земного истребителя и стиральной машины. Из большого люка в нашу сторону выдвинулся манипулятор с «кури-

ной лапой» и схватил кораблик. Только в этот момент увлечённый Айзек заметил чужое присутствие.

– Пираты, мать их! – воскликнул он и вынул бластер или что-то наподобие миниатюрного мегафона.

Наш кораблик втянуло в чёрные недра пиратского судна. Включился свет, раздался скрежет, что-то шипящее упало на пол рядом со мной. Едкий дым заполонил кабину. Я вдохнул его и отключился. Пришёл в себя рядом со связанным светящимся проводом Айзеком. Напротив нас сидело что-то гориллообразное и держало в руках оружие героя постановки. Хотя в этот момент я осознавал себя внутри настоящего события из жизни и был напуган достаточно серьёзно. Ощущения были настолько реальными, что не вызывали никакого чувства фальши. Ну, может, кроме пафосных речей героя.

– Я капитан корабля сторожевой станции. Меня будут искать именно здесь и у вас начнутся серьёзные проблемы.

– Прамблемы? Меня не напугать ими, – пробасило хриплым басом существо. – Вначале реши свою, а потом пугай остальных.

– Что вы хотите...

Внезапно на самом интересном месте постановка закончилась. Я лежал на левом боку, на самом краю кровати и уже собирался свалиться с неё.

– Тамара Львовна, что случилось? – спросил я в сердцах. – На самом интересном месте.

– Вам пора идти в медицинский блок. Следуйте вдоль све-

тящегося маркера. Он приведёт вас к месту.

– Спасибо, я уже кое-что понимаю в ваших штучках. Скажите, а мы досмотрим эту историю про Айзека с того места, где прервались?

– Если пожелаете. У меня для вас ещё много вариантов постановок.

– Я бы хотел досмотреть именно её. Интересно, что этой горилле надо.

– Я могу рассказать кратко, чем закончилась эта история.

– Не вздумай. Не веди себя как твой реальный прототип, не порти удовольствие от предвкушения.

– Как скажете. По статистике бо́льшая часть жителей станции выбирает вариант дослушать краткий пересказ постановки, если она была прервана.

– Я сломаю вам всю статистику, потому что воспитывался на Земле, а там за такое и убить могут.

– Просто замечательно, что вам сегодня назначено обследование, – произнесла виртуальная Тамара Львовна.

– Что за намёки? – Мне показалось, что она слегка проговорила.

– Убивать плохо, даже допущение мысли об убийстве социально опасно. Вам требуется психологическая терапия.

– Это было образное выражение для придания экспрессии. Не нужна мне никакая терапия.

– Обследование покажет, что вам действительно необходимо.

Тамара Львовна перешла на добродушный тон, слегка взбесивший меня, потому что она демонстративно выбрала его в противовес закипающему во мне возмущению. Я не хотел, чтобы мне указывали, какую психику иметь.

– Ты искусственный интеллект, и твои советы – всего лишь результат заложенных заранее команд. Откуда тебе знать, что лучше человеку, который попал сюда всего несколько дней назад?

– Обида – свойство человека, не умеющего верно оценивать себя.

– Я не обиделся, просто не люблю, когда мне дают глупые советы.

– Мною собраны триллионы вариантов человеческих реакций, от работы желёз до электрических импульсов мозга. Судя по многим реакциям вашего организма, Гордей, вы обижены.

– Иди в жопу, Тамара.

– Простите... хм, реакция вашего организма снова резко изменилась. Вы снова жизнерадостны.

– Я же говорю, ты ничего не понимаешь в человеке, который только что прилетел с Земли. Я всю свою жизнь мечтал послать Тамару Львовну в жопу. И вот, как ты заметила, мне стало очень хорошо после этого. Всё, я пошёл обследоваться. Приду – расскажу, что там у меня нарыли.

– Не стоит, я буду информирована раньше.

– Ах да, забыл, что ты у меня в голове. Было бы здорово

и на Земле приделывать телефоны прямо к нервам.

– Для подключения искусственных аппаратов нейроинтерфейса требуется высокий моральный и социальный уровень развития общества, иначе возможны злоупотребления.

– Это ты верно заметила. Будь у меня на Земле такая штука, я бы уже ничего не видел перед собой из-за рекламы и постоянного банковского спама.

– Для определённого прогресса требуется новый уровень сознания и ответственности.

– Истинно так, Тамара Львовна. Ваш прототип не способен был формулировать такие сложные мысли.

– Спасибо. Вы задерживаетесь.

– Всё, бегу.

Я снова помучился с дверью. Никак не получалось переключиться с копошащихся в голове мыслей на неё. Инерция неконтролируемых мыслей была во мне сильна. Момент, когда я удачно подцепил дверь, передался в ощущениях. У меня будто появилась ментальная рука, которая ухватила за воображаемую ручку и потянула её.

В коридоре на этот раз оказалосьлюдно. Жители станции сновали туда-сюда, с ореолами имён и социального рейтинга над собой. Я разглядывал их из любопытства, чего нельзя было сказать о них. Люди все как один холёные и симпатичные, словно массовка вампирского фильма, не обращали внимания ни на меня, ни на мои виртуальные достоинства. Они спешили, почти так же, как земные обитатели на работу

ранним утром. Я терялся в толпе. С одной стороны, это было неплохо, я не искал общения. С другой – немного обидно, что меня, такого отличного от всех, игнорируют.

Лифт понёс меня и ещё пятерых жителей вниз. Я так решил, потому что ускорение движения на мгновение оторвало мои ноги от пола, а торможение закончилось перегрузками в обратную сторону, отчего мои коленки подогнулись. Наконец-то на меня обратили внимание.

– Новенький? – догадалась светловолосая Лиза с серо-зелёными глазами.

– Ага. Четвёртый день как.

– Надо же, в таком возрасте? Это большая редкость. Как там наша праматерь-Земля?

– Пыхтит потихонечку на карантине.

– А что такое?

– Вирус.

– Там всегда происходит какая-то ерунда. Просто удивительно, как там ещё умудряются размножаться. – Лиза сочувственно посмотрела на меня, наверное, подумав о моём неконтролируемом появлении на свет.

– Так там особо выбора нет, размножаться и воевать, базовые потребности. – Я уже понял, что местные ни черта не знают о Земле, и рассказывать им в подробностях не имеет смысла, всё равно не поймут.

– Какая дикость. Как вам повезло, Гордей, попасть в число избранных.

– Просто невероятная удача. За мгновение до смерти успели вытащить. – Тут я не врал.

– Желаю вам обрести здесь всё, чего вы были лишены на Земле. – Лиза погладила мою руку, как милого щеночка.

– А я желаю вам обрести всё, чего вы лишены здесь, но имели бы на Земле. – Это было ехидство, которое поставило прекрасную Елизавету в тупик.

Я выскочил из лифта, не дождавшись, когда она начнёт реагировать, и помчался торопливым шагом, следуя по яркой полосе, как по нити Ариадны. Спустился по лестнице с низкой гравитацией, перепрыгивая через несколько ступенек, пугая местных. Для чего тогда надо было создавать её, если не для этого?

Линия подвела меня к дверям. Я замер в нерешительности, не зная, что делать. Стучать, открывать самому или ждать, когда пригласят? Подумав, решил взять подсказку.

– Тамара Львовна, вы здесь?

– Я слушаю вас, Гордей, – ответила она, будто стояла за спиной.

Я инстинктивно обернулся.

– Мне уже можно войти?

– Ещё нет. Видите, в нижнем углу вашего зрения идёт обратный отсчёт?

– Ага, вижу. – Мне пришлось взять себя рукой за подбородок, чтобы голова не двигалась вслед за глазами.

– Как только он остановится, вы услышите приглашение,

и дверь откроется.

– Спаси...

Я не успел договорить, меня перебил возникший в голове мужской голос.

– Доброе утро, Гордей. Рады вас видеть. Проходите и следуйте за красным маркером.

– Слушаюсь и повинуюсь, – ответил я.

Маркер повёл меня тесными, ярко освещёнными коридорами, и остановился у одной из одинаковых дверей. Она открылась в тот же момент, когда я замер у неё. Меня ждал пожилой мужчина, похожий на актёра после процедуры омолаживания. Стройный, подтянутый, как из рекламы спортивного питания. Его социальный рейтинг превышал три тысячи баллов. Его звали Джонто.

– Ещё раз доброе утро, Гордей. Рад вас видеть. Читал историю вашего появления на станции. Впечатлён и потрясён одновременно. Зачитывался, словно романом. Землянин и девушка из космоса. Они сошлись, волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень. Потрясающая история, достойная драматической постановки.

– Спасибо. Вижу, стихи Пушкина и тут ценят.

– Разумеется. Замечательный поэт, жаль, как кандидат, не подходил под требования.

– Он бы тут умер от тоски и застрелился бы сам.

– О, это вряд ли. У нас здесь лучшая медицина и нет никакого оружия. А мысли о самоубийстве мгновенно блоки-

руются нейроинтерфейсом.

– Охотно верю. С чего начнём?

– Так, становитесь сюда, – Джонто указал мне на серый круг, вмонтированный в пол. – Вас немного потрясёт. Это мультиспектральная вибрация, которая поможет определить состояние вашего организма.

Я молча встал в круг.

– Закройте глаза и расслабьтесь.

Я сделал, как меня просили. Закрыл глаза и через секунду почувствовал дрожь во всём теле. Неприятную, как при лихорадке. Впрочем, она была недолгой.

– Готово, выходите, – скомандовал доктор.

– Что там со мной? – поинтересовался я. – Жить буду?

Джонто посчитал мой вопрос смешной шуткой.

– Будете, но недолго, лет пятьдесят-шестьдесят, не больше.

– По земным меркам это нормально.

– Никто в этом не сомневается.

– А вам, доктор, сколько лет? – спросил я.

– Сто шесть, – ответил доктор.

– Сколько? – Мне показалось, я ослышался.

– Сто шесть, – повторил доктор. – Это не так уж и много.

Мой отец совсем немного не дожил до двухсот. Последний раз он совокуплялся в сто восемьдесят два года.

– Прекрасный результат. На фоне моих перспектив прямо фантастический.

– Перспективы есть и у вас, но для этого необходимо произвести некоторые процедуры с вашей физиологией. Вы слишком экстенсивно используете свои ресурсы.

– А что для этого нужно? Письменное согласие родственников?

Джонто снова начал смеяться. Вообще, жители станции показались мне склонными смеяться по любому поводу.

– Родственников вам придётся вначале сделать. Нет, достаточно сказать «да».

– А это долго?

– Два часа.

– Да.

– Да – в смысле согласны?

– Согласен. У меня есть время до обеда, а потом я собирался помочь своей космической подруге. Взял её на перевоспитание, хочу вырастить достойного жителя станции с базовым рейтингом социальных баллов.

– Это будет сложно. Она из тех, кто делает на одно хорошее дело два плохих. Регрессирующий тип личности, лишённый права воспроизводства потомства.

– Как лишённый? Навсегда? – Меня словно окунули в ледяную воду.

– Теоретически нет, но по своей практике знаю, что исправлению такие люди обычно не поддаются. И живут они несравнимо меньше остальных.

– Что-то в ваших методиках, доктор Джонто, есть непра-

вильное. Я знаю её достаточно хорошо. Она справедлива, надёжна, любит детей, склонна к сочувствию. Как можно было лишить её материнства?

– Система знает лучше нас, уж поверьте. Оставим её, сейчас речь о вас. Какой уровень внедрения вы выберете, начальный или кардинальный? – Джонто показал вначале пальцем левой, а потом правой руки.

– Насколько глубоко внедрение?

– Начальное подразумевает коррекцию работы внутренних органов, кардинальное добавляет к этому замену органов, не поддающихся серьёзной коррекции и изменение внешности. Некоторые области вашего мозга сильно повреждены и будут таить скрытую опасность на протяжении всей жизни.

– Менять мозг не дам. Не хватало ещё, чтобы в моей голове валялся чужой мозг. Подлатайте как получится, и пусть тарактит дальше.

Джонто рассмеялся.

– Замечательное слово «тарактит». Надо ввести его в свой лексикон. Значит, начальный?

– Да. – Я задумался. – А можно сделать плечи шире и добавить мышц? Ну и... член побольше.

Джонто собрался рассмеяться, но, видимо, профессиональный этикет запрещал ему делать это в пикантных случаях.

– За всю мою практику было только три случая, когда

мужчины просили увеличить некоторые доли головного мозга, а вот увеличить член...

– А что с моим мозгом не так?

– А что с вашим членом не так? Он находится в гармонии с телом.

– Хотелось бы повесить своё самомнение таким вот лёгким способом.

– Ладно. Я вас прекрасно понимаю. Вы хотите хоть в чём-то быть лучше жителя станции.

– Считайте это атавизмом коренного жителя Земли. У нас принято мериться пиписьками.

На этот раз доктор не сдержался и заржал во весь рот, полный здоровых жемчужных зубов.

– Кстати, а вы зубы мне не подлечите? – Этой демонстрацией он напомнил мне о ещё одной проблеме.

– Конечно. Зубы входят в начальный уровень изменений. Отлично, значит, мы будем менять вам пропорции скелета, некоторых органов и зубы?

– Да, думаю, на первый раз этого достаточно.

– Внести изменения в лицо не желаете?

Мне показалось, что доктор считает меня некрасивым.

– До сего момента моё лицо меня устраивало.

– Не хочу вас обидеть, но лица землян достаточно несовершенны, что может вызывать некоторое неприятие со стороны общества, в особенности женской половины.

– Я понравился Айрис таким, какой есть. У меня нет нуж-

ды желать нравиться всем, поэтому оставьте лицо прежним.

– Что ж, ваши желания по этим вопросам находятся в приоритете, хотя я на вашем месте выбрал бы кардинальные меры. Нет ничего приятнее ощущать себя полностью новым. Это как заново родиться.

– Не знаю, это же не пальто: не понравилось – повесил назад в шкаф. Для меня пока все ваши предложения звучат дико новаторски, я не готов полностью принять их. Давайте уже начинать, пока Айрис не наворотила дел без меня.

– Я смотрю, вы очень привязаны к ней. Может быть, вам стоит пройти курс психологической реабилитации?

– С целью?

– Ну, избавиться от зависимости. Иногда люди принимают зависимость за проявление сильных чувств, которыми дорожат, но на самом деле...

– Нет, – отрезал я.

Доктор Джонто даже вздрогнул, удивлённо посмотрел на меня и пожал плечами.

– Это была простая рекомендация. Посещение психолога поднимает социальный рейтинг и повышает благонадёжность.

– В данном случае я выбираю Айрис, а не ваш искусственный рейтинг и прочие плюшки. Кстати, хотел узнать, как я могу добавить кому-то баллов? – Я впервые задумался над тем, что тоже могу участвовать в этой чехарде с социальным рейтингом.

– Спросите вашего советника или найдите в меню, которое появляется, когда вы задерживаете взгляд на мне, – посоветовал доктор.

– Спасибо. – Я уставился прямо на него, пока не появилось простое меню, в котором можно было движением глаз двигать ползунок с баллами в пределах установленной оценки.

У доктора Джонто разброс составлял солидные сто сорок баллов. Максимально семьдесят плюсом и семьдесят минусом. Он засмутился, следя за движением моих зрачков. Видимо, побоялся, что я ему отвешу минусов за ненужную настойчивость.

– Хочу сделать вам аванс, – решил я подмазаться.

– В каком смысле?

– Поставить максимальный балл, чтобы простимулировать результат. – На самом деле я больше хотел, чтобы он отстал от меня со своими намёками на моё несовершенство.

– Не вздумайте, система накажет нас за попытку манипулирования рейтингом. Я поставлю вам ту оценку, которую считаю нужной, и ваш балл никак на неё не повлияет. Учтите, подобные преступления – одни из самых тяжких, и наказываются соответственно.

– Например?

– Ссылка на осваиваемые планеты в самые захудалые концы вселенной, существование на которых ненамного лучше, чем на Земле.

– И всё-таки лучше.

– Немногим.

– Хорошо. Был неправ, признаю.

– Замечательно. Я отключаю вас.

Я не успел ничего ответить, выключился, как телевизор. Чик – и потух. А через мгновение снова включился. Но мгновение было только для меня. Часы показывали, что прошло два часа с минутами.

– Есть болезненные ощущения? – поинтересовался Джонто.

Я подвигался и не ощутил никаких изменений.

– Вроде всё нормально.

– Подойдите к зеркалу.

На стене проступила зеркальная поверхность. Я сделал шаг в её направлении, почувствовал необычное ощущение в трусах и вспомнил про свою просьбу. Оттянул их и заглянул.

– Хватит? – спросил Джонто.

– Вполне. – Результат меня устроил, хотя и выглядел непривычно.

Моё отражение в зеркале выглядело столь же непривычно из-за изменившихся пропорций тела, будто я не меньше двух лет ходил в качалку.

– Мы избавили вас от двух генетических заболеваний, которые проявились бы с возрастом, и четырёх начинающихся болезней, восстановили зубы и убрали шрамы на голове.

– Как убрали? – Я потрогал место, где они были. – Зачем?

– Это же неэстетично, – искренне удивился Джонто.

– Это была моя мужская награда. Вы разве не знали, что шрамы украшают мужчину?

– Я всегда считал ум украшением любого человека. Как может украшать уродство?

– Ум, само собой, украшение, но со шрамами я выглядел как дворовый кот, к которому даже овчарки боятся подходить.

– Извините, но удаление шрамов – стандартная процедура, – развёл руками доктор.

– Чёрт с вами.

У Джонто был такой растерянный вид, что мне стало немного его жаль. И правда, зачем мне шрамы в обществе, где их не оценят?

– Ладно, доктор, спасибо, что сделали то, о чём я просил. В остальном результат намного лучше ожидаемого. Вот вам шестьдесят девять баллов за работу. Единичку скидываю за самоуправство.

Джонто уставился на меня взглядом, по которому я не смог понять – сердится он, удивляется или опешил от переполняющих эмоций, не зная, как выразить благодарность. Бумк, и мне пришло сообщение о зачислении социальных баллов. Десять. Чёртов докторишка оказался скупердьяем. Ему было жаль поделиться со мной тем, что не делало его беднее.

– Спасибо за всё, – произнёс я тоном обиженного челове-

ка. – Мне пора.

– И вам спасибо. Советую в течение недели не перенапрягать тело физически, возможны болевые ощущения.

– Спасибо.

Мне на удивление легко удалось открыть дверь кабинета. Едва я вышел в коридор, пришло сообщение, в котором извещалось о времени и месте посещения курса психологической реабилитации. Я выругался про себя. Создавалось ощущение, что система в виде исполнительных механизмов-людей не успокоится, пока не добьётся от меня необходимых показателей.

Расстройство продолжалось недолго, буквально минуту, пока я не проложил маршрут к тому месту, где должна была отрабатывать Айрис. Мне не терпелось скорее показать ей свои изменения.

Глава 4

После медицинского вмешательства я чувствовал себя на станции почти своим. Осознание, что это не какой-то футуристический земной город, а космическая станция, вращающаяся в холодном космосе за миллиарды километров от родной планеты, ещё не пришло ко мне полностью. Я не видел космоса и потому не мог представить его себе. Подсознательно мне казалось, что я плыву пассажиром на круизном лайнере.

Маршрут до подвесных садов я почти запомнил и мог не смотреть на «нить Ариадны» сворачивая, где нужно. Вот только на лифт я никак не мог повлиять, он сам знал, где меня высадить. Огромный зал со звёздным небом на этот раз был озарён светилom, на орбите которого вращалась станция. Яркий шар был меньше Солнца раза в два и светился неестественным для коренного землянина белым светом. Зелень в его лучах имела более яркий оттенок.

Мне определённо нравились лестницы с низкой гравитацией. Вzbегать по ним вверх через несколько ступеней оказалось ещё веселее, чем спускаться. Местные, не пропускающие ни одной ступени, сторонились меня, как полоумного.

– Поберегись! – орал я загодя, чтобы мне уступали дорогу.

Доктор Джонто сказал, что плотность моих мышц на двадцать пять процентов выше, чем у коренных жителей

станции. По этой причине мне легче давались физические упражнения, создавая иллюзию взявшейся из ниоткуда силы.

Айрис издалека поняла, что мелкая блоха, прыгающая по ступенькам, – это я, её земной парень. Она начала размахивать рукой, чтобы привлечь моё внимание. Запыхавшийся, я предстал перед ней с довольной улыбкой.

– Возмужал, окреп. – Айрис оценила мою внешнюю трансформацию игривыми движениями бровей. – Так и хочется потрогать.

– Мои изменения не все на виду, – ответил я ей такой же искусной игрой бровей и томным басом.

Айрис глухо рассмеялась из-за скрадывающего звук респиратора с двумя фильтрами.

– Ты намекаешь потратить пятьдесят баллов?

– Думаю, теперь с меня будут списывать все сто.

– Гордей, вы отрабатывать? – громко спросила Хеленга. Видимо, ей не очень понравилось наше веселье, отдающее бездельем.

– Да, как раз хотел попросить у вас респиратор, а то плесенью пахнет. – Потом добавил чуть слышно: – От кого-то.

Хеленга вручила мне респиратор, тонкий плащ, похожий на дождевик, плотно меня обтянувший, и секатор. Теперь я был экипирован, как любой из отрабатывающих повинность.

– Это реаланский магитур, красивое растение, но чувствительное к окружающей влажности. Даже незначительное

отклонение параметров вызывает у него существенные изменения. Дыхание проходящих мимо людей привело к появлению плесени на стволах и ветках. К тому же он очень любит отращивать усы и цепляться ими за всё подряд. После обрезки его обработают природным фунгицидом. Ваша работа, Гордей – подрезать усы, оставляя отросток не больше сантиметра. Качество и объём работы напрямую будут связаны с начисленными баллами. А ваши утехи с Айрис в рабочее время могут существенно понизить качество труда. Я понятно объясняю? – пристально посмотрела на меня Хеленга.

– У вас такие красивые глаза, – выпалил я совсем не то, чего от меня ждали. – Бездонные, как космос.

Почему-то на Земле, чтобы отвесить даме комплимент, надо было иметь могучую силу духа, чтобы не сфальшивить голосом, не замяться, не покраснеть как рак, а тут я запросто отвесил его, как прирождённый Казанова. Но глаза у неё, нордические, голубые, как слой чистого льда, на самом деле были красивыми. Хеленга покраснела и неловко улыбнулась, будто не привыкла к таким комплиментам.

– Идите работать, Гордей. – Она отвернулась от меня и сделала вид, что поглощена обрезанием усов.

Я вернулся к Айрис и наткнулся на её маленький кулачок, упёршийся в мой нос.

– Хеленга старше тебя на пятьдесят лет, – предупредила она меня, посчитав комплимент её временной начальнице за

попытку начала отношений.

– Ты что подумала, Айрис? – искренне удивился я. – Что я с ней того... Неэ-э-эт, я просто хотел, чтобы тётя не сердилась на нас и не снизила балл. Она считает, что мы с тобой будем флиртовать и бездельничать.

– Ага, а после твоих комплиментов вдруг растаяла и поверила, что мы начнём работать, как папы Карло?

– Женщина – иррациональное существо, вполне возможно, что она клюнет.

Айрис бросила взгляд в сторону начальницы. Хеленга украдкой посматривала в нашу сторону.

– Удивительно, конечно, слышать от дикого землянина, что ты существо, но, возможно, ты и прав. Чутьё мне подсказывает, что нашей Хеленге не хватает внимания. Смотри, как она стреляет своими красивыми глазками в твою сторону. – Айрис несколько раз щёлкнула вхолостую секатором, давая мне понять, что наказание за слабость будет суровым.

– Не переживай, других женщин, кроме тебя, я не вижу. Всё, что я способен ей дать, это комплимент и немного хорошего настроения, – успокоил я Айрис максимально серьёзным голосом. – Давай уже работать.

Два часа мы не общались ни с кем, молча отстригали бесчисленные усы магитура и складывали их в роботизированную тележку, снующую между платформами подвесных садов. Привычные действия в чужом антураже всё равно создавали иллюзию, будто ты где-то на Земле. В мыслях о стан-

ции, почерпнутых из рассказов Айрис, я воображал намного более значительные отличия. Представлял, как тут слоняются пришельцы, до которых никому нет дела, как отчаливают в космос корабли, которые видно сквозь прозрачные стены, порталы мгновенного перемещения. Наверное, это было, но не на виду. По крайней мере, несколько раз я слышал от людей в толпе, что они куда-то улетают.

– Интересно, Айрис, а можно устроиться на какую-нибудь опасную работу, гарантирующую высокий рейтинг за риск? Айрис задумалась.

– Тебе уже скучно? – спросила она. – Я предупреждала, что жизнь на станции слишком тягомотная, тем более для зверя, попавшего сюда из дикой природы.

– Спасибо за зверя, даже если это заяц. Пока мне не скучно, я ещё мало что видел, но в перспективе уже начинаю понимать, что жизнь, заикленная на поддержании рейтинга и вечного страха потерять заработанные баллы, мне быстро наскучит. Хочется солёного ветра в лицо и ни о чём не думать.

– Были бы у нас ветра, как в твоём городе, я бы посоветовала тебе писать против них, – коротко засмеялась Айрис.

– И всё же ты не задумывалась о том, чтобы рвануть куда-нибудь на край вселенной? У неё вообще есть край? Что говорит об этом ваша наука?

– Наука говорит, что края нет, но с определённого расстояния вселенная начинает повторяться, как в зеркальном от-

ражении. И да, у меня были мысли рвануть куда-нибудь, где будет не так тоскливо. Рванула на Землю, и вот – меня снова вернули. С прицепом.

– М-да, чем-то это напоминает мне фантастический фильм ужасов про заразу, которую притащили из космоса. А что, если нам с тобой попроситься на дальнюю планету?

– Вернуться на Землю не хочешь? Вместе со мной? В нашу квартиру, работу аниматором и курьером? – В глазах Айрис загорелся уголёк ностальгической тоски.

– Уже нет. Как думаешь, парень, который вырвался в космос, будет так быстро тосковать по дому? – И сам себе ответил раньше Айрис: – Вначале стоит насытиться впечатлениями.

– Хорошо, – произнесла Айрис многообещающим тоном и воткнула свой кулачок мне в живот. – Я тебе их устрою.

В ожидании приключений время остановило свой бег. Однообразная работа утомляла, а наивные и глупые вопросы Матиаро о Земле раздражали. Я едва сдержался, чтобы не предложить Айрис плюнуть на эту отработку и на всё прочее и отправиться за острыми впечатлениями. Меня остановило присущее мне чувство ответственности, которое чуть не покинуло меня в чужих условиях. Если бы я не сдержался, Айрис без всякого сожаления бросила бы работу, начихав на социальный рейтинг.

Хеленга, словно почувствовав наше настроение, сделала вид, что ей надо работать рядом с нами.

– Готова поспорить на сто баллов, что Хеленга трётся рядом с нами из-за тебя, – шепнула мне на ухо Айрис.

– Я думал, она поняла, что мы хотим сбежать.

– Ей-то что с того, если мы сбежим? Оштрафуют только нас. Она запала на отличие, выделяющее тебя из типичных мужчин станции.

Я украдкой посмотрел на начальницу, ловко манипулирующую садовым инструментом.

– Несмотря на нашу разницу в возрасте, она ещё ого-го тётка. Если бы дело было на Земле, я бы уже давно голову потерял, – признался я.

– Голову теряют, когда пытаются перемножить в уме многозначные числа без помощи имплантатов, а тут теряют совсем другое. – Айрис снова щёлкнула секатором передо мной. – Будешь мечтать об этом, вернёшься на Землю частями.

– Наверняка там будет чего-то не хватать.

– Наверняка.

Айрис, несмотря на шуточный тон, ревновала меня серьёзно. На Земле такого почти не случалось, потому что там она чувствовала своё превосходство над земными девушками. На станции почти все женщины на мой земной взгляд выглядели превосходно. Внешность перестала быть основным фактором первоначального интереса. Моя космическая подруга уже не чувствовала себя избранной, к тому же её низкий социальный статус, эквивалент земного материаль-

ного успеха, подсознательно служил элементом неуверенности.

Несмотря на это, Айрис оставалась сама собой: весёлой, дерзкой, беззаботной и охочей до всего будоражающего кровь. И мне, в принципе, совсем не хотелось видеть на её месте другую девушку. Почти все станционные красавицы, с которыми я успел пообщаться, казались слишком плоскими и неинтересными. Их внешность быстро примелькалась, и я уже не открывал рот, зависнув перед идеальной внешностью какой-нибудь девицы с перетряхнутыми генами.

Хеленга обнаглела настолько, что начала стричь усы с одного с нами дерева. При взгляде на неё мне пришла интересная идея.

– Моя Айрис, – намеренно произнёс я, – научилась на Земле искусно плести косы. К вашей бесподобной внешности и роскошным волосам очень подошла бы французская коса.

Айрис уставилась на меня прожигающим взглядом. Я моргнул ей обоими глазами, чтобы она не влезала.

– А что это за коса? – Хеленга заинтересовалась.

– Эм, волосы собираются в колосок от самой чёлки, – стараясь казаться вежливой, произнесла Айрис. – У нас так никто не заплетает, но на Земле женщины часто делают французскую косу. Если хотите, могла бы вам смоделировать, как она будет на вас выглядеть.

– А что вам, Гордей, так далась моя причёска? – поинте-

ресовалась Хеленга.

– Я просто представил вас с ней и понял, что вы будете неотразимы. Вы и сами сможете убедиться в этом.

– Сколько времени на неё надо? – спросила начальница у Айрис.

– Ну, минут тридцать, – неуверенно предположила моя подруга.

Хеленга посмотрела в глубь себя, как это делали все жители станции, когда пытались разглядеть информацию на собственном экране нейроинтерфейса.

– Перенесу обеденный перерыв для вас на час раньше. Заинтриговали вы меня, Гордей. – Она произнесла моё имя тоном, не оставляющим сомнений в симпатии.

Айрис провела большим пальцем по шее, глядя на меня кипящим от негодования взглядом. Я снова моргнул обоими глазами, будто знал, что делал. На самом деле я понятия не имел, как отреагирует Хеленга. Мне хотелось, чтобы она добавила к нашим баллам ещё сколько-нибудь. По своим земным соображениям я рассчитывал взломать систему, найти способ заставить людей прибавлять нам рейтинг, не чувствуя, как их к этому подталкивают. Вообще, зависимость между причёской и баллами не казалась настолько очевидной, хотя подсознательно я чувствовал, что в этой затее что-то есть.

– Ребята, у вас перерыв будет по расписанию, а у нас чуть раньше, – сообщила Хеленга работникам. – Пройдёмте. –

Она направила нас в сторону комнаты, в которой хранилась и приводилась в порядок садовая амуниция.

Айрис по дороге ущипнула меня за ягодицу.

– Я давно не бывала в такой неловкой ситуации. Спасибо тебе.

– Прости, но ты в начале нашего знакомства разорила всю мою кубышку. Уж как я тогда чувствовал себя неловко, ты просто представить себе не можешь.

– Но потом...

– Вот именно, потом твоя неловкость вознаградится сто-рицей.

– Но как?

– Без понятия. Я тестирую варианты и отбрасываю нера-бочие.

Хеленга скинула с себя рабочий костюм и осталась в тон-кой майке, подчёркивающей её статную фигуру.

– Мне сесть? – спросила она.

– Да, садитесь. А ты, Гордей, иди обедать, не смущай дам, – в отместку посоветовала мне Айрис.

Я ушёл. Обедать – по понятиям станции – это запихать в себя за одну минуту кусок желе и запить его витаминным коктейлем. Ну, побаловаться ещё минут пятнадцать после этого каким-нибудь развлечением, погрузившись в другую реальность, данную со стопроцентной симуляцией ощущение. Подобные развлечения мне нравились, как любителю компьютерных игр, но я чувствовал их рафинированность,

ограниченность многочисленными условностями, которым приходилось соответствовать, чтобы не возникало диссонанса между реальным и виртуальным.

На экране высветилась часть стены, за которой меня ждал мой обед. Я протянул руку и сдвинул дверку. Вынул коробочку, открыл её и впервые понял, что не хочу есть эту дрянь. Кусок разноцветного желе, похожий на смазку для трущихся узлов зерноуборочного комбайна.

– Какая экзотическая гадость... – Я воткнул вилку в желе.

– Ваша реакция на еду сильно отличается от нормальной, – сообщил Тамара Львовна. – Данные уже отправлены в центр здоровья. Во время сна вам будут внесены поправки через костюм.

– Узнаю вашу навязчивость, Тамара Львовна. А не могли бы вы предложить мне вместо этого куска солидола жареную курочку? С хлебушком и горчицей. А в качестве аперитива рюмку холодной водки, хотя я и не большой любитель спиртного. Ваша система давит, понимаешь, заставляет искать выход в чём-то, в алкоголе или противоправных деяниях. Или даже способствует канибализму. Не буду приводить примеры, но случай имеет место быть.

– Вы находитесь в состоянии адаптации, Гордей, и вашей психике свойственно сопротивляться тому, что непривычно. Завтра утром вы почувствуете себя лучше.

– А можно мне сегодня переночевать у Айрис? Мне нужны положительные эмоции.

– Секунду. Нет, пока на ваше сожительство одобрения нет. У Айрис слишком низкий рейтинг. Нарушив запрет, вы усугубите её ситуацию ещё сильнее. Могу сделать прогноз – при таком уровне накопления баллов ей потребуется две недели, чтобы получить разрешение, при условии, что вы тоже не потеряете свои.

– Такая занимательная математика с вашими рейтингами, просто тоска берёт. Неужели нельзя оставить человеку возможность совершать ошибки?

– Такие возможности есть, просто их количество ограничено. Наша система является результатом кропотливого труда и тысячелетних наблюдений. Она постоянно совершенствуется, создавая потомкам землян условия для вхождения в мировую лигу рас, где в первую очередь требуется умение жить в сообществе друг с другом.

– Эпично, – оценил я пламенную речь нейродвойника Тамары Львовны. – Это вы, значит, воспитываете себя, чтобы вас приняли. Ясно. Желаю удачи. Только как эта несъедобная пища поможет приблизить этот день?

– Она символизирует наше превосходство над первобытностью. Нам не нужно убивать животных и растения ради питания. Мы способны извлекать пищу из неживой материи.

– Значит, я не ошибся, сравнив этот бутерброд с солидом.

Нашу пикировку прервала Айрис, вошедшая в комнату первой.

– Вуаля! – махнула она руками в сторону дверей. – Прошу вас, Хеленга.

Дверь отворилась, и вошла начальница команды неудачников. Как я и думал, французская коса пришлась ей к лицу. Если так можно было выразиться, она сделала её внешность агрессивно-привлекательной. За ней хотелось не ухаживать, а грубо уламывать, невзирая на препятствия.

– Вы бесподобны, Хеленга. – Я искренне открыл рот и сглотнул слюну. – Если бы не увечья, которые мне обещала Айрис, я бы поинтересовался, что вы делаете сегодня вечером.

Хеленга смущённо захохотала. Её красивые голубые глаза светились, будто в них зажёгся бенгальский огонь. Айрис тоже выглядела довольной, будто радовалась результату.

– Сегодня вечером я занята. Схожу на сеанс гравиакробатики. Спасибо, Гордей, что надоумили Айрис. Не думала, что причёска сможет так изменить мою внешность и даже внутреннее ощущение.

– Не за что, Хеленга. Не стоит прятать своё женское очарование за баллами социального рейтинга.

– Вы... вы, Гордей, другой. – Хеленга хотела сказать больше, но не нашла слов.

Я понял, что она хотела сообщить. Разумеется, пока меня не испортила система, я был другим. Видел иначе, говорил и думал, как привык.

Хеленга схватила свою коробку с обедом и выбежала на-

ружу. Айрис проводила её взглядом, а когда она ушла, бросилась ко мне.

– Она кинула мне сто баллов! Это максимум, что можно дать за отношения между жителями. Как ты вообще додумался до этого? – Айрис вилась возле меня, но не решалась кинуться в объятия, не желая омрачить штрафом щедрый подарок судьбы.

– Сам не знаю. Посмотрел на неё и увидел с этой причёской. Потом подумал, а может, и ей понравится, и она не сможет нас обидеть, и накинёт баллов десять сверху.

– Она стала похожа на бойца. Я как-то смотрела передачу, где женщины дрались. Мечтала, помнится, тоже поучаствовать.

– Я ничего об этом не знал.

– Когда-то я не считала нужным посвящать тебя во все свои дела, а теперь – ты меня в мои же дела.

– Карма, как же ты хотела. Скажи честно, тебе бы не понравилось моё предложение, если бы я начал с тобой советоваться?

– Разумеется. Для жителей станции делать друг другу причёски – это что-то из ряда вон. Так просто до этого не додумаешься, особенно когда есть устройства для ухода за внешностью.

– Ладно, давай обедай, да пойдём посмотрим, как там Хелленга.

– А ты чего не ешь? – Айрис заметила нетронутый кусок

желе.

– Не могу. Опротивел. Тамара Львовна обещала, что ночью со мной что-то сделают, и я опять стану его вождель.

– Она такая оптимистка. Смотри, второй раз пропустишь – получишь наказание.

Я вздохнул и ткнул вилку в вибрирующий кусок.

– Как в детском саду, я и манная каша. Те же рвотные позывы.

Зажмурившись, я съел единственно возможный легальный деликатес на станции. Мой желудок продемонстрировал своё неудовольствие долгим урчанием.

– Наше мировоззрение становится всё больше похожим, – отметила Айрис.

Айрис съела свой обед, и мы пошли дальше отрабатывать её социальный рейтинг. Едва приблизились к месту работы, как нам навстречу выбежала девушка. Над ней горело имя Кармина. Она с ходу набросилась на Айрис.

– Сделай мне такую же, – потребовала она, а не попросила.

Моя Айрис опешила от такой наглости. Посмотрела на меня, выразив взглядом растерянность.

– Мне надо работать.

– К чёрту работу, – перешла на шёпот Кармина. – Такая причёска стоит сто баллов.

– А Хеленга?

– Она сейчас на связи со своими знакомыми. Хвалится. Думаю, сегодня тебе стоит задуматься о смене работы. По-

жалуйста, Айрис, сделай мне причёску, пока её не загрузили в систему. Хочу походить с ней раньше остальных.

– Идите, девочки, заплетайте косы, а я за вас постригу деревья, – предложил я компромиссный вариант.

Кармина с радостью поддержала моё предложение. Айрис, правда, выглядела не настолько счастливой. Удивительное дело, в своём мире она не была такой гибкой, как на Земле. Наверное, сформировавшая нас среда подсознательно ограничивает воображение, заставляя придерживаться общих взглядов и подходов.

– Огонь! – сделал я комплимент Хеленге, проходя мимо неё. Она приняла его как должное. Судя по суетливому поведению, мысли у неё были совсем не о работе. Поверив в свою привлекательность, в чём-то отличную от стандартной, ей захотелось поделиться этим с остальными и получить свою минуту славы.

Кармина выскочила из комнаты с причёской, переоделась в мирское и забила болт на работу. Айрис вскоре примкнула ко мне.

– В системе ажиотаж. Дело дошло до учредительного уровня, на котором присутствуют пришельцы. Кажется, мне придётся делать макет для загрузки.

– Ого, здорово, поздравляю нас. – Я широко улыбнулся и привлёк Айрис к себе. – Тебе с этого хоть что-нибудь перепадёт?

– Конечно. Любое новшество влияет на рейтинг. Но это

же не я придумала, это твоя идея.

– Айрис, меня устраивает и мой рейтинг. Бери всё на себя. Потом перекинешь как-нибудь сотку-другую по-дружески. И нам наконец-то разрешат ночевать друг у друга. – Я обнял Айрис и не услышал никакого писка штрафных санкций. Её уровень перевалил маргинальную отметку в пятьсот баллов, где уже позволялись всякие обнимашки и прочие безобидные вещи.

Айрис неожиданно замерла. Взгляд её рассеялся, будто она была занята своим нейроинтерфейсом.

– Мне только что добавили триста баллов и вызвали сделать макет причёски. – Айрис посмотрела на меня сияющим взглядом. Поработаешь тут без меня?

– Не вопрос. Беги навстречу славе, но не забывай о тех, кто помог тебе. – Меня кольнул укол ревности.

– Сдурел? Сегодня ночью воздам тебе за заслуги сполна. – Айрис без страха поцеловала меня, и снова никаких санкций.

Наш союз продемонстрировал абсолютный синергизм в условиях космической станции. Айрис убежала. Я натянул респиратор и приступил к работе, размышляя о произошедшем. Надо же, моя интуиция сработала просто отменно. Ей не помешал шум из мыслей, который обычно забивал внутренний голос. Шума и не было, потому что он не успел сформироваться. Здесь я был свободен от внешнего осуждения, пока не разобрался, что к чему, и потому мыслил широко.

– Гордей. – Из мыслей меня выдернул голос Хеленги.

– Да?

– Если бы не Айрис, я бы сегодня совратила вас. – Её глаза блеснули от передозировки гормонов.

– Если бы не Айрис, я бы с удовольствием принял ваше предложение, – нашёлся я, хоть и засмутился от такого прямого намёка.

Мой ответ удовлетворил её. Она громко рассмеялась и пошла работать дальше, время от времени разглядывая свою косу.

Остаток дня тянулся довольно долго. Я устал работать один.

– Гордей, вам больше не надо отрабатывать. – Хеленга кивнула на ореол с баллами над моей головой, превысивший тысячу. – Жаль, что мы, наверное, больше не увидимся.

– И мне жаль. Зато на память останется французская коса.

– Вы волшебник. У меня давно не было такого приподнятого настроения. Я уже начала думать, что пережила возраст, в котором есть поводы для бурной радости. Наверное, надо чаще забирать людей с Земли, чтобы они вносили разнообразие в нашу устоявшуюся жизнь.

– Спасибо. А людей со станции надо чаще отправлять на Землю, к истокам.

– О нет, уж лучше вы к нам, – скрестила руки Хеленга. – Я такое о вас смотрела! Мамонты, шкуры, пещеры, сырое мясо с паразитами.

– Это было много тысяч лет назад. Сейчас намного лучше. Мамонты вымерли, а глисты бывают только у тех, кто не моет руки перед едой.

– Ужас. Идите, Гордей, отдыхайте.

Дважды упрашивать меня не пришлось. Я помчался по лестницам через пять ступеней. Пока бежал, пришло сообщение от Айрис с координатами её жилья. Мой маршрут резко поменялся.

Моя космическая любовь жила в более просторной комнате, в которой имелся настоящий иллюминатор в космос. Соскучившись друг по другу и устав сдерживаться, мы долго не могли вырваться из объятий. Когда же усталость взяла верх и я, дыша как загнанный волк, откинулся на кровать, Айрис с хитрым выражением лица полезла в шкафчик для одежды и вынула из него знакомый пакетик. Она высыпала на столик передо мной горсть крекеров. Боже, а я ведь подумывал о том, чтобы отдать их какой-нибудь бродячей собаке.

Глава 5

Если верить словам Айрис, её жизнь кардинально поменялась. Благодаря французской косе, которую стала носить чуть ли не половина всех встречающихся нам женщин, рейтинг её перевалил за две тысячи баллов, что по местным меркам соответствовало уровню почётного гражданина. Перед Айрис открылись многие двери, к которым прежде она не имела доступа. Соответственно я, как основной претендент на супружество, мог пользоваться теми же благами в её присутствии.

Вначале мы занялись сексом в условиях невесомости. Весело было только первые минуты, а потом меня начало тошнить. Затем мы вышли наружу, в открытый космос. И это была не покраска стёртых космической пылью надписей, а полноценная туристическая вылазка. Мы находились внутри прозрачной сферы, одетые только в серебристые костюмы. Сфера плыла над поверхностью станции, а гид посредством нейроинтерфейса рассказывал нам обо всём. От него я узнал, что станция рассчитана на десять миллиардов жителей и всегда заполнена под завязку. Она не выглядела настолько внушительной, чтобы вмещать такое количество людей. Однако не доверять гиду я не мог. И мне стало более-менее понятно, почему людей кормили этим желе. Чтобы выращивать натуральную еду, пришлось бы увеличить размер

станции в несколько раз.

Потом нам открыли доступ к тем уровням, на которых тушили пришельцы. Моя психика пережила за этот визит столько бурных моментов, что системе пришлось всю ночь держать меня на каких-то препаратах, чтобы я не кричал во сне. Многие из пришельцев показались мне слишком уродливыми. Причём условно человекообразные казались самыми уродливыми, какими-то мутантами, опившимися ядерных отходов. Для общего развития и расширения кругозора это знакомство было полезно, но только один раз.

Был ещё один случай, когда к станции подлетел огромный пришелец, являющийся, по сути, космическим кораблём. Таким его создала природа. Он был меньше станции всего в четыре раза. Для меня он выглядел как глыба, но, как сказала Айрис, между ним и руководством станции был осуществлён дружеский контакт. «Глыба» прилетел засвидетельствовать своё почтение. Для него весь космос был родным домом, и ему было просто интересно посмотреть, кто у него завёлся.

Я познакомился с матерью Айрис, практически её копией, выглядевшей всего лет на пять старше дочери. Мы мило общались, пока я не назвал её мамой. В общем, посиделки с потенциальной тёщей не задались. Айрис объяснила мне, что я нарушил этикет, присущий жителям станции в подобных случаях. Благодаря долголетию, семейные отношения не были похожи на земные, никаких свёкров и свекровей, тещ и

тестей, зятьёв и снох. Просто дружная семейная компашка, где все общались друг с другом на равных. Меня устроило её объяснение, и я готов был извиниться перед мамой, простите, Вестлиной.

Прежде чем пойти к тёще на второй заход, Айрис заговорщически прошептала мне:

– Хочешь посмотреть такие места на станции, куда не доходят щупальца системы?

– Хочу. – Предложение Айрис меня заинтриговало.

Оказывается, станция не сразу получила такие размеры. Тысячи лет назад, когда только началось её возведение, а люди едва покинули пещеры и пытались устроить свою жизнь в примитивных селениях, она была рассчитана на несколько сот тысяч жителей, а дизайн помещений и общее убранство не настолько сильно отличалось от их земных аналогов. Шли годы; люди, попавшие на станцию, умнели, рождали потомство, не знающее другой жизни и приспособляющееся к космической действительности с младых ногтей. Новые модули имели более совершенную конструкцию, люди переселялись в них, оставляя старые. Утилизацию старых модулей посчитали невыгодной и просто закрыли к ним доступ. О них мало кто вспоминал, пока какой-то неугомонный житель не сопоставил факты и не вычислил лишний объём. С тех пор старые модули превратились в прибежище недовольных системой жителей станции.

Отсутствие правоохранительных органов в земном пони-

мании развязало им руки для установления собственных порядков на неконтролируемой территории. Высокие технологии служили здесь совсем другим целям. Априори каждый беглый житель ненавидел систему и старался сделать всё, чтобы не подчиняться ей. Молодёжь романтизировала эту среду, считая их взгляды революционными и новаторскими, а их поступки – борьбой за справедливость.

Я выразил Айрис своё опасение перед тем, как миновать последний рубеж к диким территориям. Здравомыслие пыталось шепнуть мне, что это дурная затея, но я считал, что причиной тому малодушие. Айрис долго прожила среди этих людей и не выказывала никакого беспокойства. Её уверенность в конце концов успокоила и меня.

Айрис знала все ходы, которые вели к заброшенной части станции. Нам пришлось миновать почти безвоздушные неосвещённые коридоры, пробежаться по открытой поверхности в лёгких скафандрах, отчего у меня сразу же отмёрзли ноги. Поскакать перед закрытым люком, который никак не хотели открывать с той стороны. Это, знаете ли, было то ещё испытание нервов. После известных событий у меня появилась фобия к холоду.

Наконец нам открыли, и мы вбежали внутрь бочкообразного помещения. Прежде чем скинуть скафандры, отдающие холод наружу и вовнутрь, мужчина лет тридцати со шрамом на виске сличил нас при помощи ручного сканера. У него не было никакого ореола над головой. Нейроинтерфейс вообще

перестал работать, когда мы вышли наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.